

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Издательство благодарит телеканал ТВЦ
за предоставленное фото на обложку

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Свиданье с Богом у огня. Разговоры о жизни, любви и самом важном : [сборник рассказов] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-04-100323-4

Татьяна Устинова — известный писатель, телеведущая и интереснейший собеседник. Разговоры о жизни, любви и самом важном — сборник размышлений автора о тех самых простых и сложных вещах, составляющих нашу жизнь. Любовь, отношения в семье, дети, друзья, интересные незабываемые встречи — вот те темы-киты, которые интересны каждому из нас. А нетривиальный взгляд писателя делает самые простые и обыденные моменты и события пронзительными и значимыми! Истории, рассказанные Татьяной Устиновой, словно мозаичное панно складываются в напитанную любовью, полную переживаний и сильных эмоций картину жизни!

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100323-4

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----|
| Тяжелая ноша | 9 |
| Я улетала, а он оставался | 16 |
| Я поспорила с приятелем | 20 |
| Мой муж объявил, что собирается... в поход | 23 |
| Моя драгоценная макака | 27 |
| Свиданье с Богом у огня | 30 |
| Поезд дальше не идет... | 37 |
| Мой муж не похож на Тома Круза, но... | 40 |
| Дверь в лето | 44 |
| О странностях любви | 47 |
| Лучший комплимент от мужчины | 50 |
| Казнить нельзя помиловать | 54 |
| Дурацкие мечты | 58 |
| На пороге | 62 |
| Развод и девичья фамилия | 66 |
| Объект поклонения | 70 |
| А вы не были на Колыме? | 74 |
| Почувствовала себя стукачом | 78 |
| Волшебный пес | 82 |
| На грани кипения! | 88 |
| Наш ангел | 92 |
| Моя бабушка говаривала... | 101 |

| | |
|--|-----|
| Куртка из проклятий | 105 |
| Хорошо забытое старое | 109 |
| Суета сует | 116 |
| Оранжевый медведь | 123 |
| Ну ее — эту красоту!.. | 127 |
| Ты не искал бы меня, если б уже не нашел | 131 |
| Лето красное | 138 |
| О, спорт!.. | 145 |
| Женщина трудной судьбы | 149 |
| Поэт и художник | 156 |
| Император и Юта | 163 |
| Все мы немножко буддисты | 170 |
| Боевой раскрас | 176 |
| Памяти Владимира Чернова | 183 |
| О карманных слонах | 189 |
| Сеть | 195 |
| Ну началось!.. | 202 |
| Системный подход | 206 |
| Любить по-русски | 213 |
| Спасти мир | 220 |
| Кризис среднего возраста | 227 |
| О футболе, мамонтах и Великой французской революции | 231 |
| Грезы и розовые панталоны | 238 |
| Уж замуж невтерпех | 244 |
| Романтика дальних странствий | 247 |
| Пустые хлопоты | 254 |
| Про уродов и людей | 260 |
| Счастливый день | 267 |
| Нечаянная радость | 274 |
| Что делать?.. | 280 |

| | |
|--|-----|
| Лучше не бывает | 287 |
| Святочный рассказ | 294 |
| Большой праздник 12 апреля | 300 |
| Камушки на воде | 303 |
| Мы очень стараемся — каждый на своем месте | 306 |
| Слоновый песок | 309 |
| Однажды двадцать лет спустя | 312 |
| Игра в дурака | 315 |
| Аполлон и музы | 318 |
| Все ничего | 321 |
| Если выпало в империи родиться | 324 |
| Маленькая собака | 327 |
| Вишенка на торте | 330 |
| Синий платочек | 333 |
| Божье место | 336 |
| Кругом враги | 339 |
| Новые золушки | 342 |

ТЯЖЕЛАЯ НОША

...У меня творческая встреча, я трушу ужасно и приговариваю про себя всякие глупости вроде того, что «трус, мол, не играет в хоккей» и «волков бояться — в лес не ходить», но ничего не помогает, я только сильнее боюсь и начинаю злиться на себя. При чем тут волки-то?! И хоккей тоже ни при чем, может, трус в него и не играет, но я-то тоже не играю! И — да, я трус! Я боюсь, что не смогу связно говорить, что не отвечу ни на один вопрос, забуду все, что хотела сказать, перепутаю Серафимовича с Катаевым: первый написал «Железный поток», второй — «Время, вперед!», а не наоборот, не сумею правильно процитировать Борхеса, хорошо определившего, что такое на самом деле детектив. И еще вот: я навернусь на каблуках, надетых «красоты ради», уроню очки и стану ползать по сцене и шарить — без них я ничего не вижу, совсем, никак, — а люди будут сидеть в зале и смотреть, как я ползаю!..

Это очень страшно.

Встреча начинается, и я говорю, не слыша себя, и мне хочется убежать и спрятаться, но я говорю, и постепенно начинаю себя слышать, и мне начинает казаться, что люди тоже слушают и сочувствуют, и, кажется, вот сейчас я удачно пошутила — смеются, а сейчас стало по-настоящему интересно, потому что все молчат, никто

не шушукается, не кашляет, не разговаривает по телефону громовым шепотом.

У тебя такая работа, говорит моя мама, когда я жалуюсь, что мне страшно, и в этот раз я точно провалюсь, вот увидишь!.. Ты общаешься с людьми — это и есть твоя работа. Когда ты дописываешь роман, и его печатают, а потом развозят по книжным магазинам, ты начинаешь общаться, не напрямую, конечно, но все, что ты думаешь, чувствуешь и понимаешь или чего не понимаешь, становится им ясно из книги. Это большое счастье, что люди хотят общаться дальше и приходят на встречи с тобой, а ты трясешься и думаешь о какой-то недостойной ерунде.

Недостойная ерунда — это как раз про каблочки и очки. Ну, в том смысле, что какая разница, как именно я выгляжу! Самое главное — красота внутренняя, так сказать, осмысленная, выработанная.

И еще честность.

Между прочим, так было всегда.

Обе бабушки считали, что думать о нарядах — глупость и пошлость, и, когда я старалась украсить, например, красным шарфиком, был у меня такой, косились неодобрительно. Брось ты этот шарфик, ей-богу! Главное, что внутри!.. Главное, сколько книг прочитано, сколько работы сделано, и как сделано — тоже важно. Главное, довольны ли в школе или институте, выполняешь ли ты свои обязанности. Очень немногочисленные, подчеркивали бабушки, совсем немногочисленные!.. В наше время, продолжали бабушки, девочка в твоём возрасте должна была... И пошло-поехало!.. И поехало, и пошло!

Одна бабушка «в моем возрасте», каким бы этот возраст ни был, помогала своей маме, то есть прабабушке, по хозяйству, сидела с братьями и се-

страми, а их было много, носила своему папе, то есть прадедущке, обед на станцию, а это километров шесть, а он был машинист паровоза и никак не мог отлучиться с работы. И вот в любую погоду, в снег или в дождь, в жару или в грозу, бабушка собирала узелочки и шла на станцию, строго наказав сестрам и братьям ждать и не баловаться. Я отлично представляю себе — или мне кажется, что представляю, — трехконный домик, узкие неровные стекла, а за ними плывущие встревоженные детские лица. Их заперли, оставили одних, велели сидеть тихо и дожидаться, и «чтоб ни-ни!», а придут не скоро, и они знают, что не скоро, и нужно как-то продержаться, а темнеет рано, электричества или керосина, конечно, нет и в помине, и очень страшно сидеть в темноте, и хочется есть и перестать бояться, и чтоб уж скорей взрослые пришли. Но нет, придут не скоро, и неизвестно, принесут ли поесть, нет ли...

Другая бабушка «в моем возрасте» прекрасно шила, и это ее шитье не раз выручало семью, спасало от голода в прямом смысле слова. Еще она стояла в очередях, многочасовых, многокилометровых — за керосином, за хлебом. А однажды, это она уже взрослая была, ей удалось добыть кусок стекла. Разбитое окно — серьезное бедствие!.. Мальчишки с улицы камнем или мячом попадут или ветку какую-нибудь ветром принесет ненароком, и нет стекла, а где его взять? Взять негде. В жилконторе все лимиты выбраны на двадцать лет вперед. Спекулянтам нужно отдать двадцать пять рублей — деньги в тридцатые годы не просто бешеные, а несуществующие как будто. Ну, наверное, как в нашей системе координат миллион. Или два. Множество окон, рассказывала бабушка, много лет стояли без стекол, хорошо если удавалось забить фанеркой, но, как правило, за-

тыкали чем-нибудь, тряпками, ветошью. Холодно зимой без окна. И вот бабушку и еще каких-то активистов послали что-то там такое разбирать на чердаках. И она нашла в углу кусок стекла, огромный. Умная бабушка не побежала его сдавать, а припрятала, и ночью они с прабабушкой пришли и вытащили стекло, как воровки.

И вы понимаете, да?.. Это ведь ерунда. Все по-настоящему трудное у моих бабушек было еще впереди.

Тридцать девятый год, например. Одного деда арестовали и посадили. В обвинении было сказано, что дед собирался удрать за границу и для этого рыл подкоп из Клина, где он тогда работал на железнодорожной станции, в панскую Польшу. Побег удалось предотвратить, деда судили и почему-то на процесс пустили бабушку, уж не знаю почему. Приговор был вынесен 31 декабря — лагерь, не расстрел. Деда увели в наручниках.

Бабушка вышла из зала суда, очень собранная и сосредоточенная. Не знаю, что было у нее в тот момент в голове и в душе, но она пошла и купила новогоднюю елку. Она была твердо убеждена, что у ее детей, моих папы и тети, должен быть праздник Новый год, и точка.

Вторая моя бабушка вместе с дедом в этом же году убежали из Сталиногорска, где дед служил инженером. Начались аресты, и ему кто-то шепнул, что сегодня ночью за ним придут — предупредили. Бабушка с дедом в этот день вместе ушли с работы под ручку, как уходили всегда, но не домой, а на станцию, дождались электрички

и уехали в Москву к прабабушке. В чем были, в том и уехали — летних одеждах, сандалиях, — бросив квартиру, добро, денежки, в общем, всю жизнь. Бабушке было двадцать два, а деду двадцать семь. Мамы моей у них еще не было тогда.

Да. А потом война!.. Близкие бомбежки, эвакуация, теплушки, крошечные дети, «рабочие карточки», «литерные карточки», «все для фронта, все для победы».

Оборотистой и ловкой бабушке — это уж ей было лет двадцать шесть! — удалось выменять на пальто целую наволочку сахара. Она кое-как притащила ее домой, плюхнула на стол, и вот это был праздник, скажу я вам!.. Вот это было событие!.. Вы понимаете? Можно было положить в стакан кипятку сколько угодно сахара, хоть пять ложек. Хоть семь. А в наволочке не убывало! А дед, который никогда-никогда ничего не умел добыть, добыл корыто!.. Какие-то ушлые артельщики привезли целую подводу, молниеносно распродали и исчезли. За корыта дрались, отнимали друг у друга, женщины голосили, мужики матерились, но деду как-то удалось ухватить и остаться целым. В корыте можно было стирать, а можно было мыться, что угодно можно было делать с этим корытом, это же почти что райская жизнь!..

Другая моя бабушка в этой же самой эвакуации, только в другом конце страны, в это время вытапливала сахар из свеклы — ставила в печку чугунок, свекла «подтаивала», и то, что из нее вытекало, можно было есть. Вкусно, сладко!..

Да. А впереди еще был сорок шестой год, самый голодный и страшный, а потом возвращение в Москву, оказалось, что некуда возвращаться, потому что довоенные квартиры заняты, и бороться бессмысленно, и жаловаться некому.

Впрочем, в том «моем возрасте» бабушки этого своего будущего еще, конечно, не знали. По их мнению, украшательство шарфиком или любимым другим предметом туалета, как и мысли о кавалерах и дискотеках, было делом мелким, недостойным и пошлым. И страхи мои — я всегда боялась контрольной по химии, двойки по английскому, попасть впросак — тоже казались им идиотскими.

Да.

Впереди маячит новая творческая встреча, и я прикидываю, о чем буду говорить, пишу заранее план, и этот план никуда не годится — неинтересно, скучно. И я переписываю план, и этот новый не годится тоже, и примерно дня за три я начинаю бояться и изводить близких подступающей истерикой. Хорошо вам говорить — это твоя работа! Вот попробуйте сами, сделайте эту мою работу, и вы увидите, как это все трудно и страшно.

И я уже почти готова рыдать и убиваться над своей тяжелой долей, но тут вдруг откуда ни возьмись появляются бабушки, которых давно нет, конечно. Бабушки и их трудности и страхи, с которыми они прожили свою единственную жизнь — никто ведь пока точно не знает, есть ли еще один шанс!

Они прожили, как могли, и, между прочим, обе были уверены, что жизнь их сложилась просто отлично и была к ним милостива.

...Нельзя распускаться, вот что. А я то и дело позволяю себе... распускаться!.. Мне ничего этого не нужно делать — ни биться в очередях за ке-

росин, ни воровать стекло, зная, что, если поймают, посадят. Не нужно собирать на станции уголь, а потом везти его на саночках домой, чтобы как-нибудь обогреться.

Мне не нужно бороться так, как боролись мои бабушки, и вот самое потрясающее! Боролись они не во времена Юлия Цезаря, а, считай, позавчера, но мы так распустились, что об этом позабыли и самодовольно утопаем в самодовольной жалости к себе и самодовольных сетованиях на судьбину!

...Если я на сцене навернусь на каблуках, значит, поднимусь, извинюсь за неловкость и продолжу. Общение с людьми — моя работа, и это превосходная работа!.. А если потеряю очки, значит, обойдусь как-нибудь без очков. Какая разница?!